

Культура

28 января 1995 г.

8

АНДРЕЕВ ИГРАЕТ ЗОРИНА

# ЛЮБОВЬ ВСЕГО ВАЖНЕЕ

Леонид Зорин как-то сказал, что пишет «о том, что всего важнее: о любви мужчины и женщины. Остальное мизерно и гроша ломаного не стоит. Многие мои пьесы — о любви и о том, как глупы люди». Глупы, потому что занимаются всякой ерундой вместо того, чтобы любить по-настоящему.

Об этом, в сущности, и две его пьесы, которые поставил и сыграл Владимир Андреев в Московском театре имени М. Н. Ермоловой — «Пропавший сюжет» и «Союз одиноких сердец». Поставил и сыграл тоже о том, что всего важнее. Сыграл одного любящего («Союз одиноких сердец») и одного полюбившего («Пропавший сюжет»). Ясно показал, что полюбивший и любящий мудрее тех, кто отвергает или подавляет любовь во имя идеи, служения народу или еще того хуже — во имя политических амбиций.

Любящий прозревает и оттого становится грустным — печально взирает он на бешеную энергию суеты, мешающей людям любить, заставляющей их мчаться в погоне за ложными целями.

Одесский писатель-юморист Андрей Николаевич Дорогин («Пропавший сюжет») и

лектор Александр Ильич Женихов («Союз одиноких сердец») не заняты глобальными идеями, не преувеличивают значения своего таланта и личности, живут тихо-спокойно и не стыдятся своей прекрасной обывательской жизни. Дорогин — холостяк, Женихов женат, но какое-то время вынужден вести холостяцкий образ жизни. На стене его комнаты, как знак обывателя, мещанина, висит (о, ужас!) гитара.

Почему-то кажется, что оба они умеют хорошо заваривать крепкий чай. Недаром Женихов говорит своим согражданам-покровчанам (вымышленный провинциальный Покровск — излюбленный град Зорина) — «Я укажу вам путь в долину, где мир и покой, герань и сирень, где свят и прекрасен час чаепития».

Зорин и Андреев поют славу мирному обывателю, очаровательному мещанину (почему это слово сделали ругательным?), источающему сердечное тепло, доброе спокойствие, непритворное участие, а в минуты любви становящемуся бережно нежным, вдохновенно заботливым, ненавязчиво самоотверженным. Они создают вокруг себя какой-то надежный мужской, именно мужской уют, способный за-

щитить женщину от житейских бурь и тревог, от ненужных усилий и напряжений.

Но, к несчастью, их возлюбленные одержимы поистине дьявольской гордыней, надменным тщеславием — одна тшится спасти народ, другая жаждет политического влияния и славы. В истории Дорогина все кончается трагически, в истории Женихова, кажется, брезжит свет счастливого конца. Но оба испытывают усталость и грусть в истошающей душу борьбе с женщинами, стремящимися во что бы то ни стало напаять на себя латы Жанны д'Арк.

Андреев играет с удивительной, редкой на современной сцене мягкостью, опять-таки с редкой деликатностью юмора, вызывающего не гогот, а улыбки, словно просветляющие темноту зрительного зала. Актер чувствует себя абсолютно свободно в иронической стихии зоринских пьес. Он достаточно четко, без единой интонационной пометки доносит до зрителя емкие афоризмы Зорина, но каким-то образом придает им абсолютную, неопровержимую естественность, подкупающую сердечность.

Вс. Мейерхольд говорил, что артист, помогающий себе несуществующими у автора междометиями, восклицаниями, не

соблюдающий знаков препинания, расставленных драматургом, — это актер самой низкой квалификации. Высокая актерская квалификация Андреева проявляется и в строгой бережности к чистоте авторского текста, причем эта забота ничуть не сковывает его, не мешает ему сделать этот текст абсолютно своим.

Андрееву удается развеять миф об элитарности зоринской драматургии и лексики, он легко и просто вовлекает зрителей в сложную интеллектуальную игру, затеянную драматургом, полагая, что люди в зрительном зале поймут и оценят все тонкости и нюансы. И не ошибается в своих надеждах, ибо зритель любит, когда его уважают, начинают с ним серьезный разговор, создающий драгоценную атмосферу интеллектуального доверия.

Андреев ведет со зрителем поучительную и душевную беседу и в то же время словно исповедуется ему.

Многие «звезды» отечественного театра сейчас стремятся взять зал эмоциональной агрессией, нервной взвинченностью, резкостью приемов и красок, криком и внешней динамикой. Андреев играет неторопливо, раздумчиво, внятно, но не громко, с множеством психологических подробностей, правдоподобно, но без натуралистических шоков, одним словом, «старомодно». И в этой своей обаятельнейшей «старомодности» достигает полного успеха, то есть почти нежного сочувствия, и что еще важнее, благодарного понимания зрителей.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.